

***В Объятиях Твоей
Души***

Роман

***In Embraces of Your
Soul***

A Novel

***Натали МакКорни
Natalie McKorney***

В Объятиях Твоей Души
(In Embraces of Your Soul)

Copyright © 2011 by Natalie McKorney

All rights reserved, including the right of reproduction in whole or in part in any form. All names, characters, places and events are fictitious.

ISBN: 978-0-578-09803-6

Printed in U.S.A. by InstantPublisher.com

Содержание

Table of Contents

От автора	1
Глава 1	3
Глава 2	23
Глава 3	40
Глава 4	66
Глава 5	87
Глава 6	107
Глава 7	136
Глава 8	163
Глава 9	183
Глава 10	199
Глава 11	220
Глава 12	241
Глава 13	261
Глава 14	283
Глава 15	307
Глава 16	330
Глава 17	352

Глава 18	370
Глава 19	390

От автора

Данный роман – это история жизни и любви главной героини, которой довелось испытать немало противоречивых чувств и пройти через предательство, потери и непонимание, не растеряв при этом своих идеалов и не утратив веру в себя и людей. Она сильная и слабая одновременно, в ее сознании образы минувшего не уступают место настоящему. И даже тогда, когда прошлое, казалось, ушло навсегда, оно само находит ее...

Выражаю искреннюю благодарность за ценные советы и замечания своему

любимому мужу Эндрю МакКорни и дорогой сестре Ларисе Овсяник.

С любовью,
Натали МакКорни

Глава 1

Вместе с однообразными картинами придорожной растительности, которые плавно сползали с окошка-экрана вагонного купе, позади оставались бесконечные заботы и хлопоты повседневной жизни. Полученная в профкоме фабрики путевка и санаторно-курортная карта окончательно развеяли сомнения и нерешительность Леры, и ей ничего не оставалось, как собираться в дорогу и всерьез подумать о своем здоровье. Нервозность, пронизывающая насквозь все стороны современной жизни, казалось, стала неотъемлемой чертой и даже необходимостью нынешнего времени. Финансовые трудности, неурядицы на работе, да и

множество других неприятных мелочей, прочно вросли своими стрессовыми корнями в хрупкое и беззащитное человеческое естество. Как в трясине, Лера постепенно увязала в этой черно-белой действительности, не замечая, что становится пленницей собственных страхов и комплексов. Только благодаря настойчивости мужа, который искренне беспокоился о ней, она находилась сейчас в плавно покачивающемся поезде, послушно следуя своим курсом в Украину.

Соседкой по купе была пожилая украинка, которая гостила у дочери и теперь возвращалась домой. Разговорившись, Лера поняла, что живет сейчас всем непросто: невозможность получить заработанные деньги доводит людей до крайности.

– Не могу вообразить, как бы мы жили, если бы не получили зарплату даже за один месяц, – попыталась представить Лера.

– А куда б вы делись. Я уже шесть месяцев не вижу своей пенсии – и жива пока. Вот продам квартиру, дом, и пере-

едем с младшей дочкой к старшей в Минск. Сейчас лучше жить всем вместе.

– Как ваша дочь оказалась в Минске? – полнобопытствовала Лера.

– Училась здесь с подругой в мединституте и вышла замуж за белоруса, – охотно продолжала разговор женщина. – И младшая моя тоже медик, на скорой работает, пока не замужем.

– Так у вас две дочки. У меня тоже есть сестра, младшая, и обе мы замужем.

Лера была довольна тем, что у нее в дороге была собеседница, не позволявшая ей замыкаться в себе.

– И как мама? Довольна зятьями? – пожилая женщина внимательно вглядывалась в лицо молодой попутчицы.

– Вы ведь сама теща – можете представить, – улыбнулась Лера. – По-моему, тещи менее требовательны к зятьям, чем свекрови к невесткам.

– Совершенно с вами согласна. Да больше половины свекровей просто движуты на своих сыновьях. Я сужу по своей свахе, она до сих пор верховодит своим сыном. Он сначала с ней посоветуется, а потом доводит до сведения моей дочки как уже решенное.

Каждая морщинка на лице женщины, казалось, участвовала в данном разговоре: то изгибалась, поднимаясь вверх, то разглаживалась. Слушая соседку, Лера мыслями вернулась к своей свекрови.

Вера Михайловна не была фурией и с первого взгляда казалась вполне соответствующей образу идеальной женщины, созданному ее сыном. Она не противилась тому, что Игорь решил рано жениться, справила неплохую свадьбу и приглашала молодую семью жить к себе после учебы.

Лера вышла замуж, будучи студенткой второго курса технологического института, а на четвертом у нее родилась дочь Дашутка. Блестящие знания молодых специалистов оказались не востребованными наукой в связи с недоступностью столичной прописки, поэтому, получив образование, они приехали в родной город Игоря – Бериславль, где устроились инженерами на мебельную фабрику.

Лера была уверена, что у нее будут прекрасные отношения со свекровью: делить им, казалось, нечего, домашней работы она не боялась и стремилась все

сделать сама. Поначалу все было хорошо, супруги со всем справлялись и старались как можно меньше забот переключать на плечи матери. Однако постепенно Лера стала замечать и чувствовать в квартире какое-то невысказанное недовольство, исходившее от улыбающейся и внешне спокойной Веры Михайловны.

Бабушка практически не обращала внимания на трехлетнюю Дашу, стремившуюся залезть к ней на колени, стала менее разговорчива и все чаще надолго уходила из дому, а однажды просто не явилась на ночь, оставшись у подруги. Лера терзалась и не находила никакого объяснения такому поведению. Игорь тоже терялся в догадках, но не имел претензий к своей жене.

Такая нервозность, царившая в доме почти год, скоро сказалась на самочувствии Леры. В начале осени она почувствовала резкое обострение гастрита и месяц пролежала в больнице. Свекровь в это время снова стала образцом доброты и внимательности, поскольку безраздельно владела обществом сына.

После выписки все снова стало на свои места: настойка валерианы и корва-

лол опять появились у Леры на тумбочке. И хотя криков и ругательств в доме не было, и женщины не произносили ни одного неприятного слова в адрес друг друга, Игорь находился между двумя огнями. Вскоре неожиданно все прояснилось.

Лера, мокрая, как после марафона, проснулась среди ночи, преследуемая во сне дикой лошадью. В тот миг, когда животное заносило над ней свои передние ноги с огромными копытами, перед ее глазами возник образ погибшего отца, прыгающего на спину взмыленной лошади. Развернув ее назад, он широко улыбнулся, так что мелкие морщинки тотчас сплели знакомые сеточки вокруг родных серых глаз: «Не падай духом, доча. Вставай!» Лера раскрыла глаза, присев на кровати, и несколько минут не могла понять, что громкие удары отбойного молотка, разрывающие ночную тишину, — это стук ее собственного сердца.

Из детской кроватки доносилось мирное посапывание дочки, Игоря рядом не было. Она тихонько встала и направилась к кухне за водой. Проходя мимо спальни свекрови, Лера услышала тихие

голоса и всхлипывания Веры Михайловны.

– Мама, как ты можешь так говорить? Мне дороги вы обе: ты – как мама, Лера – как жена и мать моего ребенка.

Игорь был очень взволнован, что ощущалось в его интонации.

– Я чувствую, что теряю тебя. Ты все больше отдаляешься от меня, – Вера Михайловна еле сдерживала рыдания. – Ночи не выносимы для меня: вы там вместе, а я здесь одна проливаю слезы на свою подушку.

– Мама, но ведь это моя семья. Я благодарен тебе за все, что ты мне дала. Но я тоже имею право на личную жизнь. Тем более что никакого выбора я не делаю. Я так же, как и раньше, люблю тебя, ничуть не меньше.

Лера снова вернулась в свою комнату, размышляя над услышанным. Вдруг вся картина четко нарисовалась в ее воображении, словно мозаика, ожидавшая нескольких недостающих кусочков, чтобы приобрести целостность и завершенность. Ревность, слепая любовь – Лера пыталась подобрать подходящие определения, давно попавшие в словарь житей-

ской мудрости, но которые, как думала она, ей никогда не придется там искать. Ни при каких обстоятельствах она не желала вступать в борьбу с Верой Михайловной, настолько противоестественной казалась сама мысль о любом соперничестве с женщиной, подарившей жизнь человеку, которого так любила Лера. От беспомощности и обиды слезы выступили на ее глазах.

Утром Лера была готова к решительным действиям. Выбрав подходящий момент, когда свекровь ушла в магазин, она предложила мужу поговорить.

– Игорь, я не могу смотреть, как ты мучаешься, поэтому вижу один выход из этого кошмара. Ты понимаешь, о чем я говорю. Нам только и остается, что развестись. Сразу же скажу, что я не хочу этого, потому что люблю тебя. Но я переживу эту боль, если тебе так будет лучше.

Уставившись в мелкий квадратик на ворсистом ковре, она говорила без остановки, будто боясь, что если прервется, то не сможет договорить до конца.

– Вы вдвоем будто сговорились свети меня с ума. Ты понимаешь, что ме-

лешь? Вместо того чтобы найти действительно верный выход, ты предлагаешь... путь в никуда, тупик.

Игорь взволнованно ходил по залу, будто ища выход из комнаты как спасения из сложившейся ситуации.

– Кому от этого станет лучше? Тебе, мне, Даше... моей матери? Кому?

– Прости, Игорь. Я на самом деле хотела как лучше, – Лера выглядела подавленной и растерянной.

Через неделю молодая семья переехала в общежитие, выбить которое стоило Игорю большого труда, несмотря на все его дипломатические способности.

Незаметно проходил год за годом. Вера Михайловна по-прежнему жила одна, изредка навещая сына. Бабушкина любовь к внучке выражалась главным образом в подарках и сладостях, что, однако, не помогало вернуть к ней расположение подрастающей девочки, которая, как и все дети, интуитивно чувствовала фальшь и наигранность, но от того, что ей приносили, не отказывалась. У Леры со свекровью сохранялись прохладно-вежливые отношения, а в конце августа

каждый год давал знать о себе больной желудок. Игорь осознавал неполноценность взаимоотношений между своей семьей и матерью, как и невозможность что-либо изменить, но смирился с этим.

Шел десятый год совместной жизни Леры и Игоря, когда они в очередной раз летом повезли семилетнюю Дашу в Клишевск, где жила ее вторая бабушка, в квартиру, в которой прошли детство и юность Леры.

В один из вечеров Игорь занимался ремонтом расклеившихся стульев, Даша вертелась возле него, а Лера с мамой перебирали принесенную с огорода клубнику. Ничто не предвещало грозы. Женщины спокойно разговаривали, обсуждая житейские мелочи, когда на кухню с испуганными, широко раскрытыми глазами прибежала Даша. Лера с Ларисой Прокофьевной застыли в изумлении.

– Там, там... Папа, ему плохо, – запинаясь, прерывисто дыша, выдавила из себя девочка.

Женщины стремглав бросились в зал, где на полу неподвижно лежал Игорь. Лера подбежала к нему: он не дышал, ни

на его руке, ни на шее пульс не нащупывался.

– Мама, скорую быстрее, вызови скорую. Что случилось, Даша? – Лера старалась не показывать дочери свой страх, медленной ледяной волной расплзающийся по всему телу.

– Я не знаю. Папа клеил стул, потом выпустил его из рук, прислонился к стене и упал.

Держа руку мужа, Лера заметила, что его ногти стали приобретать синюшный оттенок. Она перевела взгляд на его лицо: губы тоже становились синими. Дрожа всем телом, Лера открыла его рот, набрала воздух и стала вдвухать в обмякшее тело. Периодически двумя руками она надавливала на грудную клетку мужа в области сердца.

– Мама, уведи Дашу к тете Гале, – выкрикнула Лера.

Она неустанно продолжала делать искусственное дыхание и массаж сердца, не замечая, как струйки пота обильно стекали по всему ее телу, приклеивая к нему тонкую ткань ситцевого халатика. Это продолжалось около десяти минут, но не приводило к желаемому результату.

Лариса Прокофьевна сзади осторожно взяла дочь за плечи:

– Лерочка, доченька, мне очень жаль...

– Нет, мама, я не дам ему уйти. Игорь, – сотрясаемая рыданиями, Лера изо всех сил трясла его за плечи, слезы капали ему на лицо.

Сорвавшись на крик, в отчаянии она продолжала:

– Игорь, я не отпущу тебя. Родной мой, вернись. Нет, только не уходи, слышишь? Господи, не забирай его. Папочка, помоги мне его вернуть, не пускай его туда. Игорь, я молю тебя, ты нам нужен: мне и Даше. Ты не имеешь права уйти.

Лера то трясла, то прижимала, будто баюкая, голову мужа. Она перешла на ровный голос:

– Не умирай, пожалуйста, Игореша. Ты хотел еще сына. Так как же ты можешь умереть?

Лариса Прокофьевна с тетей Галей, которая была соседкой и подругой в одном лице, утирая слезы, пытались отвести обезумевшую Леру от мужа.

– Оставьте меня, я не отпущу его душу. Игорь, помнишь, мы говорили, что

умрем вместе, в один день. Еще не настал тот день, слышишь, не оставляй меня.

Она стала тереть его руки, лицо:

– Сейчас, сейчас, я согрею тебя, как ты меня, когда я замерзала, помнишь? Открой глаза, ради всего святого, открой!

В следующий момент ступни Игоря дернулись, шевельнулась рука, задрожали веки. Словно очнувшись от глубокого сна, он приподнял голову:

– Что случилось? Почему я на полу? Что вы плачете?

– Как ты меня напугал, – только и смогла вымолвить жена.

Несколько следующих часов, обессиленная, Лера пребывала, словно в тумане. До ее сознания постепенно доходило, что сегодня она могла потерять мужа. Приехавшие медики долго не понимали, кому же нужна их помощь.

– На мертвеца вы не похожи, – обратились они к Игорю.

– Дайте успокоительное моей жене, – попросил он.

Как только люди в белых халатах покинули квартиру, раздался междугородний телефонный звонок, который будто стремился довести до взрыва и без того

накаленную атмосферу этой крошечной части суши, ограниченной кирпичными стенами. Лариса Прокофьевна подняла трубку и через несколько минут вошла в зал. Она остановилась, замявшись и не зная как начать разговор.

– Мама, что там еще? – безжизненно произнесла Лера.

– Игорь, твоя мама немного заболела. Ничего страшного, не волнуйся. Но лучше вам завтра поехать в Бериславль.

На лице пожилой женщины проступала неумело скрываемая тревога. Игорь почувствовал это:

– С ней что-то случилось? Не бойтесь, скажите мне.

– Ее жизнь вне опасности, но сейчас она в больнице. Вроде бы сердечный приступ, – виновато закончила теща.

Первым автобусом супруги выехали в Бериславль. Их встретила сестра Веры Михайловны, тетя Нина. Накануне, в семь часов вечера, у свекрови случился инфаркт. «Именно тогда Игорю стало плохо», – подумала про себя Лера. Через два дня Вера Михайловна умерла, ненадолго придя в сознание перед смертью и пробив это время наедине с сыном. Тема